

Лу И уткнулся лицом в шею Тан Буфая. Острые клыки вонзились в тонкую кожу, впрыскивая яд глубоко под плоть. Зажмурившись, Тан Буфая судорожно, часто задышал. На его вечно бледном, сероватом лице проступил нездоровый, лихорадочный румянец. Тело мужчины натянулось как струна, и он принялся слепо, отчаянно вырываться из объятий юноши.

Андерсон поначалу просто сидел, прислонившись к двери ванной, и молча наблюдал за ними. Но когда он увидел, как Тан Буфая забился в агонии, судорожно дергая руками и ногами, его лицо изменилось.

Рванувшись вперед, Андерсон схватил Лу И за волосы и с силой оттащил его голову назад.

— Хватит... Хватит! — сердито и тревожно крикнул он, нахмурившись. — Ты что, убить его вздумал?!

Только когда Андерсон рванул его за волосы, Лу И пришел в себя. Он так отчаянно стремился спасти Тан Буфая, а сладковатый вкус чужой крови настолько вскружил ему голову, что он напрочь забыл об опасности избытка яда.

Юноша резко вскинул голову, вырывая клыки из плоти. На шее Тан Буфая остались две глубокие рваные раны, из которых хлынула густая кровь.

В панике Лу И зажал раны ладонью, пытаясь остановить кровотечение.

— Кх... а-а!.. А-а-ах!..

Тан Буфая выгнулся дугой. Из его горла вырывались хриплые, неосознанные крики боли. Он судорожно брыкался, скрючив пальцы подобно когтям, и пытался кататься по полу — совсем как оживший мертвец или безумец во время жесточайшей ломки.

Однако оба зверя прекрасно понимали: это была мучительная, ломающая кости боль, неизбежно сопровождающая перестройку организма.

Преобразование человека в зверолода всегда несло в себе смертельный риск. На заре первых экспериментов выживал едва ли один из сотни. Позже, когда технологии усовершенствовались, смертность удалось снизить, но из-за слабого здоровья многие люди по-прежнему погибали прямо во время трансформации.

Теряясь от страха, Лу И крепко обнял Тан Буфая, мешая ему кататься по полу и калечить себя, но мужчина в беспамятстве полоснул его по лицу.

На щеке юноши проступили кровавые борозды — у Тан Буфая уже начали расти острые когти.

— Свяжи ему руки! — скомандовал Андерсон. Он когда-то был женат и знал, как ухаживать за мутирующими людьми. Выхватив из аптечки рулон бинта, он жестом приказал Лу И свести ладони Тан Буфаня вместе.

Лу И действовал почти вслепую, разум его туманился от паники, но вековые инстинкты подсказали верное решение. Он навалился сверху и удержал бьющегося в судорогах мужчину, пока Андерсон накладывал путы.

Они связали только руки. Ноги трогать не стали: мутация запускала процесс вторичного развития скелета, и любые оковы на ногах могли помешать росту костей.

— А-а... гх... по... щадите... а-а-а!..

Тан Буфань бредил от невыносимой боли. Его кожа пылала, став багровой, словно от сильного ожога. Внезапно он широко распахнул глаза. Белки налились багрянцем, и по щекам потекли кровавые слезы.

— Завяжи ему глаза! — рявкнул Андерсон, бросаясь к окну, чтобы задернуть плотные шторы.

Лу И схватил чистый бинт. Удерживая мечущегося Тан Буфаня, он принялся торопливо обматывать его голову.

Глазные яблоки мужчины сейчас перестраивались и были смертельно чувствительны к любому свету. По-хорошему, все это следовало подготовить заранее, но у Лу И не оставалось времени на раздумья — нужно было спасти жизнь.

— Учитель, потерпите, умоляю... Скоро все пройдет, совсем скоро... — шептал Лу И. Не обращая внимания на кровь, струящуюся по собственной разорванной щеке, он дрожащими руками закрепил повязку на глазах мужчины. Заметив, что сквозь приоткрытые в стоне губы Тан Буфаня начинают пробиваться острые клыки, юноша, испугавшись, что тот изорвет собственный язык, засунул свои пальцы ему в рот.

Мужчина глухо зарыдал, на белых бинтах проступили багровые пятна. Он сжал челюсти мертвой хваткой, и острые молодые клыки тут же прокусили плоть на пальцах зверя.

— Ты что творишь?! Засунь ему кляп, а не пальцы! — крикнул Андерсон. Он быстро отыскал какую-то сменную рубашку Тан Буфаня, с треском разорвал ее на полосы и швырнул Лу И скомканный лоскут.

Сам Лу И боли не чувствовал — от дикого напряжения его тело горело как в лихорадке.

— А это не повредит росту клыков? — с тревогой спросил он. К тому же он боялся, что тряпка прекроет дыхание.

Сердце Тан Буфаня бешено колотилось, он задыхался, глотая воздух ртом.

Этот вопрос застал Андерсона врасплох. Сам он деталей не помнил: когда мутации подвергали его жену, слуги и управляющий подготовили все идеально. Ее бережно пристегнули к постели мягкими кожаными ремнями, на глаза наложили плотную повязку, а в рот вставили специальный полый кляп, не мешающий дыханию. Андерсону оставалось лишь шепнуть ей пару ласковых слов и оставить метку под присмотром домашних.

Но здесь, в тесном и грязном фургоне, грубый тряпичный кляп действительно мог задушить мужчину, чья грудь ходила ходуном. Андерсон нахмурился, окинул взглядом кавардак в салоне и заметил валяющийся кожаный ремень.

— На, зажми ему рот этим! — Он швырнул ремень юноше и направился к выходу. — Я поищу нормальные инструменты.

Трансформация должна была продлиться не один день. Нельзя позволить Тан Буфаню часами грызть плоть Лу И — в приступе судорог он мог попросту откусить парню пальцы. Да и кожаный ремень годился лишь как временная мера, ведь позже мужчину придется как-то поить и кормить.

Пальцы Лу И уже превратились в кровавое месиво. В бреду Тан Буфань сжимал челюсти изо всех сил, совершенно себя не контролируя — подобно младенцу, еще не знающему меры собственной силы.

Крепко удерживая бьющееся тело одной рукой, Лу И с трудом высвободил истерзанные пальцы и вложил между зубами мужчины сложенный ремень, позволяя ему вымещать боль на грубой коже.

— Все будет хорошо, Учитель... Ты справишься, слышишь?.. — Лу И зашептал, и слезы снова покатались из его глаз. Он прижался лбом к плечу мученика.

Яд зверолода уже проник в кровоток, и теперь оставалось только ждать.

Раны на шее Тан Буфаня затянулись удивительно быстро, кровотечение прекратилось, но вскоре его несколько раз вырвало кровью. Лу И окончательно потерял покой — при обычной мутации такого происходить не должно. Неужели виной всему те тяжелые препараты для животных, которыми Андерсон пичкал его раньше?

Мог ли отказ печени и почек нарушить естественный ход перестройки организма? Лу И баюкал мечущегося мужчину, сходя с ума от тревоги и неизвестности.

Прошло несколько томительных часов, прежде чем приступ судорог у Тан Буфаня начал утихать. Бинты на его глазах насквозь пропитались кровью, а кожаный ремень он изгрыз в

лохмотья, так что Лу И пришлось подсунуть ему уцелевшую часть.

Мужчина все еще горел как в огне. Вдруг Лу И заметил, что штанины Тан Буфаня заметно укоротились. Осознав, в чем дело, юноша поспешно стянул с него обувь и носки, освобождая ступни, чтобы ничто не мешало росту костей.

— Такие маленькие... — Лу И со слезами на глазах осторожно взял Тан Буфаня за руку, на пальцах которой уже сформировались аккуратные когти, и нежно прижал ее к своим губам. — Учитель, почему же ты растешь так медленно? Ну же, расти скорее...

Обычно трансформация занимала около недели. Крепкие, здоровые люди успокаивались уже на третьи сутки, но у слабых этот процесс мог затянуться дней на десять. Учитывая измученное тело Тан Буфаня, Лу И понимал: им придется набраться терпения как минимум на полторы недели.

Андерсон вернулся лишь спустя пять часов. Все это время он прочесывал руины мертвого Пекина, пока не отыскал необходимый полый кляп-ограничитель и детскую бутылочку.

Кожаный ремень к тому моменту превратился в лохмотья. Лу И осторожно разжал челюсти мужчины, позволяя Андерсону вытащить остатки кожи и закрепить на затылке ремешки позолоченного кляпа.

Сквозь прорези Тан Буфань шумно, тяжело дышал. Его новые клыки едва показались — маленькие, аккуратные, больше похожие на острые тигриные зубки, нежели на грозное оружие хищника.

— Какое счастье, что у нас завалилась питательная смесь, — пробормотал Андерсон, разводя порошок теплой водой в бутылочке. Он со смешанными чувствами разглядывал мужчину, который, казалось, исхудал еще сильнее.

Перестройка организма требовала колоссального количества энергии. При дефиците калорий запускался процесс клеточного самопоедания — аутофагии. Крепкие, полные люди могли продержаться за счет жировых запасов, но для истощенного Тан Буфаня это было смертельно опасно.

Лу И все еще баюкал мужчину в своих объятиях, но немного успокоился. В его взгляде, устремленном на Андерсона, читалась затаенная злоба.

— Пока тебя не было, Учителя снова рвало кровью. Это все из-за твоих собачьих пилюль.

Андерсон промолчал. Лишь вздохнул и протянул ему бутылочку с теплой смесью.

— Теперь это не имеет значения. Главное — дать ему силы. Вернемся в Федерацию — покажем

его нормальным врачам.

Спорить и винить друг друга действительно не имело смысла. Лу И аккуратно ослабил ремешки кляпа и вставил мягкую соску в рот мужчины. Однако не успел тот сделать и нескольких глотков, как его молодые, острые зубы в клочья разорвали силиконовый сосок.

Тан Буфаню казалось, что он горит заживо, запертый в раскаленной печи. Наконец наваждение отступило. Открыв глаза, он уставился на старый, потемневший от сырости побеленный потолок. Все тело было липким от пота.

Бамбуковая циновка под ним промокла насквозь. За окном нещадно палило солнце, а старенький, дребезжащий вентилятор монотонно крутил головой, гоняя по комнате душный воздух.

Кое-как поднявшись, Тан Буфань ощутил во всем теле странную, ломящую слабость. Он дотянулся до кнопки вентилятора, выключил его, нацепил домашние тапочки и побрел в ванную, чтобы умыться.

На краю раковины залился звонком мобильный телефон. Тан Буфань взглянул на экран — звонил Чжао Кай.

Смахнув мокрыми пальцами блокировку, он прижал трубку к уху.

— Сяо Тан, ты где пропал? — раздался из динамика громогласный, бесцеремонный голос друга.
— Десять минут до звонка осталось!

Сердце Тан Буфаня ушло в пятки. Сонливость как рукой сняло, хотя в мыслях все еще копошился какой-то странный, липкий туман. Он сунул телефон в карман и бросился к выходу.

— Пропал я! Проспал! Братец Кай, прикрой меня перед директором, я уже бегу!

— Ну ты даешь...

Короткие гудки. Тан Буфань вихрем вылетел за дверь. На лестничной площадке его вдруг посетило странное чувство, будто кто-то пристально следит за ним. Он поднял голову и замер: между балясинами перил этажом выше прятался крошечный золотистый котенок. Один его глаз был янтарно-желтым, другой — изумрудно-зеленым.

«Откуда здесь котенок?» — удивился Тан Буфань, но в следующую секунду в памяти всплыло имя: Лу И.

— Так ты же сам его и подобрал, — заметил Чжао Кай, подливая пива в его стакан.

Они сидели под брезентовым навесом уличной шашлычной, а вокруг стеной хлестал проливной дождь. Хозяин заведения в засаленном переднике возился у мангала, переворачивая на ржавой решетке ободранные тушки крыс. На стареньком подвесном телевизоре бормотал диктор новостей:

«Из психиатрической лечебницы Западного округа сбежал особо опасный преступник тридцати лет. Ранее он жестоко расправился со своими женами. Настоятельно просим жителей соблюдать осторожность...»

Тан Буфань взял с тарелки дымящееся зажаренное мясо и принялся есть.

— И то верно, это же мой кот. Как он только умудрился сбежать?

— Завел кота — следи за окнами, — отозвался Чжао Кай. Его голос вдруг изменился, утратив прежнюю хрипотцу и зазвучав мягким, монотонным механическим гулом. Однако Тан Буфаня это ничуть не смутило.

Боковым зрением он уловил какое-то движение. Сквозь стену ливня на него в упор смотрел ребенок с мертвенно-бледным лицом. Тан Буфань вздрогнул и поднял глаза, но пелена дождя была пуста — никого.

Весь огромный город словно погрузился в непроглядный мрак, и лишь их одинокая палатка светилась тусклым желтым пятном посреди этой пустоты.

Тан Буфань вздохнул и вернулся к еде, подставляя лицо прохладному, влажному ветру. Ему было на удивление спокойно и хорошо.

— Уже тринадцать дней прошло! Почему он не приходит в себя?! — в отчаянии выкрикнул Лу И.

Дверь и окна фургона были приоткрыты настежь. Одинокие снежинки залетали внутрь, медленно опускаясь на неподвижное лицо Тан Буфаня.

Глаза мужчины все еще скрывала повязка, во рту поблескивал золотистый кляп, но сквозь разомкнутые губы уже отчетливо виднелись отросшие клыки — острые, белые, длиной почти в полтора сантиметра.

Сам Лу И выглядел ужасно: всклокоченные волосы, воспаленные, налитые кровью глаза,

пропотевшая одежда. С того самого момента, как Тан Буфань впал в беспамятство, юноша не отходил от него ни на шаг, день и ночь согревая его своим теплом.

Тан Буфаня укрыли легким одеялом. Воспаленный багрянец сошел с его кожи, вернув ей прежнюю бледность, но теперь сквозь эту синеватую белизну пробивался нежный розовый оттенок, а искусанные некогда губы налились ярким алым цветом.

Где-то на восьмые сутки Тан Буфань перестал метаться и стонать, лишь изредка дергал ногами во сне. За эти тринадцать дней его скелет перестроился — мужчина вытянулся почти на пятнадцать сантиметров.

Андерсон извелся не меньше мальчишки. От нервного напряжения он без конца грыз ногти.

— Нужно еще подождать, — выдавил он, глядя на Тан Буфаня воспаленными от недосыпа глазами. Злость и бессилие душили его. Сидя на полу и привалившись к стене, он с остервенением кусал пальцы. — Энтони проверял базы данных... Бывали случаи, когда люди лежали в коме по месяцу. А тут всего тринадцать дней...

— Что значит «всего»?! — Лу И вскочил, тяжело дыша. — Обычные люди справляются за неделю!

— Так он тебе не обычный! — взорвался в ответ Андерсон, тыча пальцем в сторону тощего тела на кровати. — Будто сам не знаешь, в каком состоянии он был!

Он раздраженно поднялся и, бормоча под нос ругательства, побрел к плите. Взяв детскую бутылочку с уже десятой по счету сменной соской, он принялся торопливо размешивать порошок.

— Хватит орать! Он вообще одной ногой в могиле стоял, скажи спасибо, что вообще дышит!

Лу И лишь крепче прижал к себе Тан Буфаня. Его взгляд, устремленный на напарника, потемнел от глухой ненависти. Наконец он отвернулся и, тихо всхлипнув, уткнулся носом в бледную щеку своего Учителя.

«Лу И, не привередничай», — нежно журил Тан Буфань котенка, протягивая ему сочный лист салата и мягко поглаживая крошечную пушистую макушку. — «Будешь отказываться от овощей — совсем не вырастешь. Посмотри, какой ты крохотный, в чашке поместишься».

Вдруг за его спиной скользнула маленькая фигурка. Тан Буфань обернулся: комнату заполнял густой серый туман. Он глянул в окно — там, вцепившись костлявыми пальцами в железную решетку, висели десятки полуистлевших, зеленых мертвецов.

«Надо же, как разросся дикий виноград у подъезда», — улыбнулся Тан Буфань, разглядывая жуткие остовы. — «Красиво».

Снова тень в углу. На этот раз Тан Буфань резко повернул голову и наконец разглядел ребенка.

Мальчик с раздутым, синюшным тельцем тихо стоял в самом темном углу гостиной и молча смотрел на него.

Тан Буфаню показалось, что он где-то его видел, но имя никак не всплывало в памяти. Он негромко спросил:

«Малыш, как тебя зовут?»

Ребенок не ответил, лишь молча указал пухлым пальчиком в сторону кухни. Тан Буфань проследил за его жестом. У плиты, согнувшись в три погибели, возилась пожилая женщина, а за открытым кухонным окном зеленел тихий дворик, поросший мягким мхом.

В душе зашевелилось смутное беспокойство. Он подошел ближе:

«Бабушка, а что вы делаете у меня дома?»

Не оборачиваясь, старушка хрипло ответила:

«Это мой дом, сынок».

«Но ведь это моя квартира...» — растерялся Тан Буфань.

«А ты присмотрись».

Тан Буфань моргнул и обнаружил, что сидит в совершенно незнакомой, скромно обставленной комнатке. Память тут же подкинула нужное воспоминание. Он поспешно поднялся с дивана и вежливо улыбнулся:

«Ах, бабушка, простите! Я же пришел к вам с домашним визитом».

«А-а, учитель Тан...» — Старушка медленно повернулась. Ее лицо было размытым, словно на старой фотографии. — «Как там наш Чэнь Фэй? Хорошо себя ведет на уроках?»

«Да, Чэнь Фэй очень послушный мальчик», — мягко ответил Тан Буфань. Он уже собирался подробно расспросить ее о делах ученика, как вдруг откуда-то сверху раздался пронзительный, резкий звук.

Тр-р-рынь!

Тан Буфань осекся и недоуменно задрал голову. Звон раздавался откуда-то из облаков.

Сквозь этот шум до него донеслись приглушенные, спорящие голоса:

— Ты уверен, что этот звонок сработает?

— Ни твой голос, ни мой, ни даже этого Чжао Кая его не берут! Он спит и видит, как бы вернуться в свою школу. Вот пускай послушает школьный звонок — небось сразу вскочит!

«Кто это говорит?» — пронеслось в мыслях. Звон становился все громче, невыносимо резал слух.

Урок... Сейчас начнется урок...

Паника охватила Тан Буфania. Он заметался и крикнул старушке на кухне:

«Бабушка, мне пора! Скоро звонок, я опоздаю на урок!»

Размытое лицо женщины расплылось в теплой улыбке:

«Иди, учитель Тан. Иди».

Тр-р-р-рынь!

Тр-р-р-рынь!

Звонок не умолкал, заставляя сердце бешено колотиться в груди. Тан Буфань бросился к выходу, но ноги словно налились свинцом, прирастая к полу.

Навалилась дикая, изнуряющая усталость, веки потяжелели, но беспощадный звон продолжал греметь прямо над ухом.

Тр-р-р-рынь!

Тр-р-р-рынь!

«Я встаю... встаю!..» — Тан Буфань резко распахнул глаза. Вокруг царила кромешная, душная

тьма. Он рванулся вперед и в панике закричал: — Конец! Я на урок опаздываю!

<http://bllate.org/book/19039/2003706>